

Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 88–96.
Academia. Architecture and Construction, no. 3, pp. 88–96.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.03
DOI: 10.22337/2077-9038-2023-3-88-96

Понимание границ городского пространства в российском градостроительстве: от 1920-х к 2020-м

Косенкова Юлия Леонидовна (Москва). Доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН. Институт архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (Россия, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26. НИУМГСУ). Эл. почта: jkosenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале теории и практики отечественного градостроительства рассматривается, каким образом перемещались акценты внутри такого сложного понятия, как границы городского пространства, включающего в себя как законодательно-административные, так и функционально-планировочные, образно-смысловые аспекты. Актуализация тех или иных составляющих происходила в зависимости от приоритетных задач, стоявших в области дальнейшего развития городов. В послереволюционное десятилетие на первый план выдвинулись вопросы административного межевания городских границ, утраченных вследствие общего упадка городского хозяйства. Показано, что, начиная со второй половины 1920-х годов, когда был взят курс на индустриализацию страны, и в последующие десятилетия советские города переживали несколько волн размывания внешних и внутренних границ, как административных, так и смысловых. Вместе с тем на рубеже 1960–1970-х годов, на фоне набирающего обороты строительного конвейера, началось постепенное формирование новых подходов к городу, в центр которых был помещен человек, а не интересы индустриализации. Кратко рассмотрены некоторые современные примеры способов локализации границ, работы с «ближним планом», направленных на формирование комфортной во всех отношениях городской среды.

Ключевые слова: градостроительство советского периода, урбанистика, город как совокупность границ, формирование городской среды

Финансирование. Статья написана в рамках проекта № 23 «Границы города в разнообразии типологии, архитектурных образах и смыслах. Исторические преобразования и новые предложения» в рамках фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ (Приказ от 23.03.2023 г. № 258/130).

Для цитирования. Косенкова Ю.Л. Понимание границ городского пространства в российском градостроительстве: от 1920-х к 2020-м // Academia. Архитектура и строительство. – 2023. – № 3. – С. 88–96. – DOI: 10.22337/2077-9038-2023-3-88-96.

Conception of Boundaries of Urban Space in Russian Urban Planning: from the 1920s to the 2020s

Kosenkova Julia L. (Moscow). Doctor of Architecture, Corresponding Member of RAACS. The Institute of Architecture and Urban Planning of the National Research Moscow State University of Civil Engineering (Russia, 129337, 26, Yaroslavskoye Shosse, Moscow, Russia. NRU MGSU). E-mail: jkosenkova@yandex.ru

Abstract. Based on the theory and practice of Soviet urban planning, the article examines how accents moved within such a complex concept as the boundaries of urban space, which includes both legislative and administrative, functional and planning, figurative and semantic aspects. The actualization of certain components took place depending on the priority tasks in the field

of further urban development. In the post-revolutionary decade, the issues of administrative surveying of urban boundaries, lost due to the general decline of the urban economy, came to the fore. It is shown that, starting from the second half of the 1920s, when the course of industrialization of the country was taken, and in the following decades, Soviet cities experienced several waves of blurring of external and internal borders, both administrative and semantic. At the same time, at the turn of the 1960s–1970s, against the backdrop of the building conveyor gaining momentum, the gradual formation of new approaches to the city began, in the center of which the person was placed, not the interests of industrialization. Some modern examples of methods of localization of borders, working with the "short-range plan" aimed at creating a comfortable urban environment are briefly considered.

Keywords: urban planning of the Soviet period, urbanism, the city as a set of borders, the formation of the urban environment

Funding. This article was written within the framework of project #23 "The Boundaries of the City in a Variety of Typologies, Architectural Images and Meanings. Historical Transformations and New Proposals" within the framework of fundamental and applied scientific research (Scientific research projects / Scientific research and development projects) by research teams of the Moscow State University of Civil Engineering (Order No. 258/130 of 03/23/2023).

For citation. Kosenkova Yu.L. Conception of Boundaries of Urban Space in Russian Urban Planning: from the 1920s to the 2020s. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2023, no. 3, pp. 88–96, doi: 10.22337/2077-9038-2023-3-88-96.

Город России накануне урбанизации
В.Л. Глазычев. 1995 год

Слова, взятые в качестве эпиграфа, – название одной из статей В.Л. Глазычева, написанной им в первые годы выхода нашей страны в постсоветскую реальность [1]. Он указывал на то, что это название не должно быть воспринято как нарочито парадоксальная риторическая фигура. Оно со всей точностью выражает смысл того процесса, что начался или даже только ещё начинается в России. Предстоит ускорение и уплотнение процессов усложнения средовой структуры «слободы» в её потенциальном движении к городу, развитие технологий подхватывания жизненных повседневных интересов горожан.

В книге А.Э. Гутнова и В.Л. Глазычева, вышедшей пятью годами ранее, говорилось: «Город никогда не подчинится тому, кто самонадеянно возомнит себя его единоличным или даже коллективным творцом, наподобие этакое много-рукого и многоглавого божества. Потому градостроителю необходимо прежде всего глубокое почтение перед вечно обновляющейся природой города» [2, с. 351]. Представляется, что в этих двух тезисах содержится суть тех способов работы с городом, которые развивались в последующие десятилетия и продолжают совершенствоваться в настоящее время, несмотря на всю сложность и противоречивость существования современных российских городов.

Тема данной небольшой статьи, посвящённой многоплановому понятию городских границ, отражает лишь часть содержания этих сложных процессов, хотя на самом деле и она может послужить предметом гораздо более глубокого и обширного исторического исследования. В том числе материалы градостроительства советского периода, рассмотренные под углом зрения формирования внешних и внутренних границ могут дать достаточно много для формирования современной концепции советской архитектуры. Но это, скорее, дело будущего.

Город и деревня: попытки размежевания

Дореволюционные города России в результате специальных государственных мероприятий по генеральному межеванию обладали достаточно большими земельными фондами. Они получили законодательно закреплённую экономическую основу для своего развития: право собственности на землю и иные природные ресурсы [3, с. 596]. Однако в процессе развития капиталистических форм хозяйствования структура собственности в городах изменилась: в пределах селитебной территории располагались главным образом земли частных собственников, хотя здесь были и владения органов городского самоуправления. Основная же масса собственно городских земель находилась за пределами селитьбы, составляя резерв для развития городов [4, с. 178].

Отмена права частной собственности на землю, провозглашённая Октябрьской революцией, в корне изменила условия существования городов. Прежде всего, городская черта как таковая перестала существовать, а само понятие «город» стало весьма условным, так как любое населённое место по постановлению местного исполкома могло быть переименовано в город совершенно произвольно. В то же время деревня начала наступление на город – окрестные крестьяне повсеместно предъявляли права на незастроенные городские территории.

Согласно Земельному кодексу, введённому в действие с 1 декабря 1922 года, горсоветам предоставлялось право определения городской черты, но это не вменялось им в обязанность. По сути, Кодекс зафиксировал создавшееся неопределённое положение, поскольку не было реализовано предложение вернуться к границам 1917 года, когда чёткая межа существовала у всех городов [5].

НЭП и введение местных бюджетов создали новые условия как для развития городского хозяйства в целом, так и землеустройства городов. Городская земля сразу приобрела ценность в деле изыскания доходных статей местного бюджета. Начались сложные процессы обособления городских земель от соседних крестьянских и внутреннего размежевания участков между землепользователями, которые протекали очень трудно и болезненно.

В городах, где переплетались в самых сложных комбинациях интересы промышленности, транспорта, торговли, военного комплекса, учреждений здравоохранения и культуры, а также частного сектора, в том числе и чисто крестьянских хозяйств, требования к земельному устройству предъявлялись противоречивые, подчас противоположные. Прежде всего, ведомства и учреждения, ссылаясь на своё государственное значение, требовали обеспечения землёй, не считаясь с интересами города. И государство шло им навстречу: в законодательстве ведомствам предоставлялись широкие права по закреплению за ними имущества и земель без всякого учёта интересов населённых пунктов в целом. Все ведомства, занимая те или иные городские земельные участки, считали, что эти земли являются национализированными, а следовательно, изъятыми из ведения органов местного хозяйства.

Эти стихийные по своей природе процессы ставили городские органы коммунального хозяйства в очень трудное положение. В то время, как промышленность, транспорт и другие отрасли более или менее успешно восстанавливались на основе «народнохозяйственных планов», города все ещё пребывали в условиях тяжёлой разрухи и кризиса, а также полной неизвестности относительно своего дальнейшего развития (или, наоборот, упразднения). На практике работа по межеванию городов затягивалась на неопределённый срок, поскольку не было ни средств для финансирования этой работы, ни достаточного количества квалифицированных специалистов.

Не город, не деревня: «стирание различий»

Если в первые послереволюционные годы города с большим трудом пытались восстановить свою культурную идентичность, хотя бы за счёт восстановления своих административных границ (что удавалось далеко не всегда), то в тот же период начался противоположный процесс, имевший не столько хозяйственно-управленческий, сколько социально-политический смысл: это хорошо известные в советской истории попытки новой власти реализовать лозунг «стирания различий между городом и деревней».

Впервые эта проблема как практическая была поставлена в программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в мае 1919 года. Неприязнь к большим городам сочеталась у революционной власти с отношением к ним, как к средоточию мирового пролетариата, которому предстояло повести за собой консервативное провинциальное большинство [6]. Для официальной идеологии был неприемлем образ жизни

как деревни, так и малых городов, посадов, местечек и пр., жители которых считались носителями стихии мелкобуржуазного сознания.

На стыке этих воззрений и рождались представления о социалистическом типе поселения как некоем образовании, промежуточном между городом и деревней. Курс на индустриализацию, взятый в середине 1920-х годов, чрезвычайно обострил эту проблему, вызвав, в том числе известную дискуссию рубежа 1929–1930 годов о социалистическом расселении. Дискуссия подвела «теоретическую базу» под представления о социалистическом поселении как поселении при производстве, независимо от того, идёт ли речь о промышленном или аграрном производстве.

При полярном разведении города и деревни в общественном сознании, на профессиональных архитектурно-градостроительном и административно-хозяйственном уровнях не существовало чётких понятий о том, что такое село и что такое город, в чём сущность городской и сельской культуры и образа жизни. Такие исследования казались ненужными: ведь существующие города и села предполагалось снести в ближайшие 15–20 лет.

В 1930-е годы, когда, казалось бы, были отброшены «крайности» урбанизма и дезурбанизма, когда радикально изменился курс в творческой направленности советской архитектуры, глубинные пласты представлений о социалистическом типе поселения и методах его создания отнюдь не были поколеблены. Их проявления просто приняли несколько иную форму. Весь дальнейший ход урбанизации в СССР, вплотную связанный с планированием индустриального развития, складывался таким образом, что ситуация «не город, не деревня» многократно воспроизводилась в советском градостроительстве. В конечном итоге это привело к утрате понятия городской культуры и низкому качеству среды как в городе, так и в селе.

Попытка навязать деревне воспроизводство городских социальных и пространственных ценностей в 1930-е – 1950-е годы не достигла цели. Односторонний характер урбанизации, основанный на подавлении села, привёл к деградации специфических ценностей сельской жизни, утрате традиций. Отчуждённое существование села, часто на грани физического выживания, не привело и к восприятию ценностей городской культуры, зато процесс «стирания различий» парадоксальным образом пошёл в противоположном, не планировавшемся направлении: город стал впитывать в себя деревню, постепенно подвергаясь «коррозии» и в пространственном, и в культурном отношении [7].

Процесс возникновения таких поселений при производстве (самостоятельных или на окраинах уже существовавших городов) носил взрывной характер. Только за первую пятилетку возле новых промышленных производств разместились десятки новых «социалистических городов». Стремление замкнуть трудовой баланс в пределах города-посёлка, всегда мотивировавшееся соображениями удобства для рабочих и

заботой об их благополучии, на деле уничтожало основное качество города – ощущение его как «пространства возможностей», в котором одновременно действуют многие полюса притяжения [8, с. 8].

Непосредственная близость к производству жилых кварталов ставила под сомнение даже возможность физического выживания в таких городах. Прекраснодушные надежды на скорейшее разрешение всех инженерных проблем, связанных с обезвреживанием промышленности по мере разворачивания реального строительства, быстро померкли. Санитарные разрывы между жильём и промышленностью, если и предусматривались проектами, то вскоре оказывались застроенными, границы городской и производственной зон смыкались. Иногда жителей «соцгородов», оказавшихся в зоне сильного задымления, приходилось переселять ещё до окончания строительства [9].

В новых городах быстро росли «временные» барачные посёлки, население которых иногда достигало сотен тысяч человек. Зачастую лишь после этого возникал вопрос о выборе площадки для города. Но к этому времени возможность освоения наиболее выгодных для строительства города участков чаще всего уже была исключена. Принятая методология градостроительного проектирования «на конец генплана» часто приводила к тому, что даже крупные города были обречены долгие годы существовать без важнейших своих элементов, являя собой беспорядочное скопление посёлков.

Город как ансамбль: двойственная логика выстраивания границ

Великая Отечественная Война 1941–1945 годов, принесла огромные разрушения и потери, на какое-то время реанимировала качественное содержание понятия «город». В проектах для восстановительного строительства, разработанных мастерами архитектуры в последние годы войны и первые послевоенные годы, интерпретировалась именно тема городской среды – яркой, насыщенной, многозначной. При всей идейной запрограммированности этих проектов («город – памятник эпохи»), они несли в себе сложное социокультурное содержание, разительно отличаясь от безжизненных пространств «поселкового» строительства.

Вместе с тем быстрый рост инвестиций в строительство в 1947–1949 годы, распределяемых по ведомственным каналам, способствовал новому взрывоподобному росту множества посёлков при производствах, в большинстве своём отличавшихся крайне низким качеством благоустройства. Комитет по делам архитектуры при СНК (СМ) СССР (1943–1949) боролся с ведомственным распылением капиталовложений, дезорганизуя город как в функциональном, так и в художественном отношении. Однако этих усилий часто едва хватало на то, чтобы «собрать» застройку главной магистрали и наиболее ответственных площадей.

Целостность города уже к концу 1930-х годов из естественного результата интегрирующих творческих усилий

архитектора превратилась в цель градоформирования – цель не самостоятельную, а призванную обслуживать комплекс над-архитектурных идей свехпорядочности, управляемости и проницаемости общественного устройства. По мере углубления в культурную ситуацию конца 1930-х годов всё чаще стали раздаваться требования уподобить «город-ансамбль» живому организму. Эта метафора, став общим местом, переключалась в послевоенную градостроительную концепцию. Эффект превращения города, как тогда часто писали, из «неживого механизма» в «одушевлённый организм», участвующий в сложной духовной жизни и служащий бесконечным источником эстетического наслаждения, рассматривался в послевоенной концепции как главный залог человечности вновь возникающей городской среды.

Концепция «города-ансамбля» предъявляла особые требования к характеру градоформирования. Фрагменты, «узлы» города, вступая в сложные композиционные и смысловые отношения между собой, образуют некое новое качество, присущее городу в целом. Каждый фрагмент объёмно-пространственного организма города получает самостоятельную значимость благодаря присутствию в нём целого. Следовательно (и это крайне важно для понимания послевоенного градостроительства), целое во всей полноте может быть считано с фрагмента, домыслено, достроено в воображении. Такая позиция позволяла вводить двойную логику проектирования и, соответственно, двойственное понимание границ города – как административно-хозяйственного образования и как произведения искусства.

Те факторы современного города, которые работали на разрыв целостной художественной композиции – промышленные и технические сооружения, особенности территорий – выключались из эстетической концепции города, становились как бы невидимыми. В сфере позитивной логики существовала лишь художественная композиция города, всё, что ей не подчинялось, – проваливалось в логику негативную. Самый яркий пример здесь: требование «выноса» предприятий за пределы города – один из основополагающих принципов генплана Москвы, неизменно включавшийся в дальнейшем во все генеральные планы восстановления крупных городов. За границами города как художественной структуры лежало некое неоформленное негативное пространство, где вполне могли существовать вредные предприятия (а заодно и жилые посёлки при них).

В негативной логике существовала и большая часть городского жилища, за исключением «магистральных» жилых домов, оформлявших наиболее ответственные композиционные «узлы». Композиционное «ядро» города как бы вытягивало на себя функциональное содержание жилого района, оставляя пустую скорлупу аморфного внутриквартального пространства. Город в качестве художественной структуры противостоял сам себе как неоформленному, некультурному пространству.

Функционально-планировочный каркас, на котором должен был создаваться «живой организм» города, включал

в себя не так уж много элементов: главная площадь с Домом Советов, подводящие к ней оси основных магистралей, «точка начала» восприятия образа города – по возможности соединённые железнодорожный и морской (речной) вокзалы, монумент Победы или мемориальный парк Победы, набережные, призванные демонстрировать «открытый» характер города, его единение с разумно устроенной, покорной человеку природой.

Отторгнутый в процессе композиционного построения «лишний» материал городской среды, разумеется, никуда не исчезал, он продолжал жить по своим законам, то и дело прорастая в «культурную» часть города и играя по отношению к нему роль мины замедленного действия, но гармония проектов восстановления городов, созданных мастерами архитектуры в 1943–1946 годы ещё не была омрачена подобными предчувствиями. Город казался усмирённой стихией, так же как и природа, в которую он приветливо распахнут.

На деле же функциональная и художественная дезорганизация крупных городов, где к началу 1950-х годов проектировали и строили сотни ведомственных застройщиков, стала одной из самых болезненных тем, обсуждавшихся в печати того времени. В середине десятилетия через эту проблему просто перешагнули, перенесли строительство на новые, свободные участки на окраинах городов. Это вызвало к жизни новые воплощения идеи «социалистического поселения», среднего между городом и деревней. Проблема не исчезла, она приняла множество новых обликов и осталась.

«Города» в городе: встречные векторы формирования границ

На рубеже 1950–1960-х годов в профессиональном и общественном сознании начинает нарастать неудовлетворённость плодами перехода архитектурно-строительного комплекса на индустриальные рельсы, строящимися на периферии городов новыми жилыми районами. Оживлению градостроительной мысли способствовали несколько факторов, в том числе: достаточно быстро осознанная экономическая нецелесообразность экстенсивной застройки городов, притом что основные проблемы советского градостроительства, такие как неконтролируемое размещение промышленности в крупных городах, загрязнение водного и воздушного бассейнов, исчерпание земельных ресурсов городов и др. по-прежнему не находили своего решения; создание новой «идейной платформы» градостроительства в виде принятой на XXII съезде партии в октябре 1961 года Программы построения коммунизма, представляющей собой конкретный план, рассчитанный на двадцать лет. По сути, перед архитекторами встала та же проблема, что и в 1930-е годы, – необходимо было уже сегодня создать идеал коммунистического города, выразить его суть через художественные образы. И так же, как в 1930-е, внимание архитекторов стало постепенно смещаться от поисков сложной социально-функциональной сбалансированности развития городов к поискам новых

художественно-образных средств выражения [10]; наконец, третий фактор – разбуженное «оттепельными» процессами общественное мнение. Возможно, впервые в советской истории мнение граждан стало более значимым в архитектурно-градостроительном процессе.

Совокупное воздействие этих трёх факторов уже в 1960-е годы, когда стали проступать первые неудовлетворительные результаты грандиозного жилищного строительства на окраинах городов, привели к осознанию необходимости вернуться к реконструкции городских центров. Таким образом, на центробежные векторы формирования городских границ, как административных, так и смысловых, наложилось центростремительные векторы, связанные с поиском новых основ для формирования образа города. Но какие творческие идеи следовало положить в основу реконструкции центров городов, было не ясно.

Предлагалось, с одной стороны, применить к реконструкции центров городов новый этический и эстетический принцип эпохи – «правдивое выражение» функциональной основы, что считалось, в свою очередь, основным признаком «социалистического стиля». В переводе на язык градостроительства это означало попытки приспособить принципы проектирования новых жилых микрорайонов к реконструкции исторической среды городских центров. Но поскольку в исторической среде трудно было организовать полноценные микрорайоны, предлагалось, с другой стороны, жильё из центров убрать, а застраивать их крупными типовыми скооперированными по своим функциям комплексами административно-общественных учреждений, которые и возьмут на себя основную образно-смысловую нагрузку [11].

К рубежу 1960-х – 1970-х годов официальная архитектурно-градостроительная политика фактически вернулась в то русло, в котором она пребывала с середины 1930-х годов, – центр города стал рассматриваться, прежде всего, как архитектурно-образное «воплощение идеалов общественного строя». Вновь замелькали слова: ансамбль, художественный образ, традиции, синтез искусств, пластика. О художественных проблемах города даже в профессиональной печати писали, активно используя лексику 1930–1940-х годов.

Тем не менее центробежный вектор расширения границ города продолжал действовать. Новое строительство по своему объёму постепенно поглощало и девальвировало то, что традиционно принято было считать городом. Особенно заострил эту проблему М.Г. Бархин, выступив в 1975 году в «Литературной газете» со статьёй «Сколько городов в Москве...» [12, с. 11]. Тёплый Стан, Измайлово, Выхино, Борисово, Чертаново, Беляево, Матвеевское и др. – это уже не Москва по своему характеру. Это не просто удалённые от центра районы города, но огромные самостоятельные градостроительные образования, где складывается свой собственный, не городской и не деревенский образ жизни.

В эти же годы расширение границ и усложнение характера городской среды были впервые осознаны как методологическая проблема высокой степени сложности, обособленная от

реконструкции собственно города в его административных границах. Произошёл отказ от установления условной границы между поселением – ядром всего региона, и региональной сетью поселений различного масштабного уровня [13].

Качественно новая ситуация в советском градостроительстве породила и совершенно новое отношение к исторической городской среде. Исторический город предстал перед проектным сознанием не как объект для тотального преобразования или уничтожения, как это было ранее, а как сложное «зрелище города», обладающее своей эстетикой, как источник новых идей в осмыслении современных задач. Если в послевоенное десятилетие проблема сочетания старого и нового понималась в основном как сохранение отдельных уникальных памятников, включённых в новый градостроительный контекст, то на рубеже 1960-х – 1970-х годов возникла новая задача – сочетание старого и нового на уровне градостроительных структур [14].

Главное, что интересовало архитекторов в эти годы в исторической среде, – её целостность и единство художественного впечатления, возникающие, несмотря на дробность и многообразие составляющих её элементов. В сравнении с новым строительством историческая городская среда стала восприниматься как более духовно содержательная, эмоционально насыщенная, излучающая «культурный свет». Это принципиальное изменение общей позиции повлекло за собой и попытки формулирования новых подходов к формированию городской среды.

Так, намеченная А.Э. Гутновым в одной из статей 1973 года [15] программа исследований фундаментальных взаимосвязей пространства, функции и времени, пространственного восприятия архитектурных объектов, соотношения структуры и формы, смыслового контекста архитектурного образа, жизненной среды и интенсивности её пространственного освоения, природы архитектурного проекта как стратегии реализации и т.п., безусловно, давала значительный импульс к созданию новой интегральной науки о городе, получившей развитие в его последующих работах. Его труды, не до конца оценённые и подзабытые в перестроечный период, сегодня вновь обрели актуальность [16; 17].

Принципиально новый для советской архитектуры взгляд на город стал формироваться на рубеже 1960–1970-х годов и в связи с зарождением в нашей стране нового научного направления – социологии урбанизации. В мае 1969 года Научным советом по проблемам конкретных социальных исследований Института международного рабочего движения АН СССР был проведён первый симпозиум, посвящённый социальным проблемам урбанизации в условиях научно-технической революции [18]. Отмечалось, что урбанизация перестаёт быть связанной только с индустриализацией, города всё более играют роль культурных и информационных центров и эта роль усиливается. Многофункциональность города становится основной его чертой. Город стал рассматриваться прежде всего как система коммуникаций, поле человеческих взаимодействий, пространство выбора [19].

На рубеже 1960–1970-х годов были поставлены принципиально новые для советской архитектуры вопросы развития городов, но ответы на них архитектурная профессия так или иначе искала уже в последующие десятилетия. Произошёл качественный скачок в градостроительном сознании, однако это совсем не означало, что существенно изменились условия архитектурно-градостроительной деятельности, десятилетиями складывавшиеся в стране, а, следовательно, продолжали своё существование и многие сформировавшиеся на практике стереотипы в проектировании и застройке городов [20].

В конце 1970-х – начале 1980-х годов понятие «среда» становится ключевым при обсуждении проблем современного города; выдвинут тезис, что нельзя навязывать живому развитию жизненного процесса сконструированные представления о необходимом и должном [21]. Нужны механизмы сближения архитектуры города с человеческими ожиданиями и предпочтениями, исследование социально-психологических механизмов городской жизни [22]. Эти годы можно обозначить, очевидно, как активное начало формирования постиндустриальной установки профессионального сознания в отечественном градостроительстве, несущей в себе множество новых смыслов и подходов к проектированию городов.

В то же время сохранялась и зависимость от строительного конвейера. Возникшие на этой основе бывшие окраинные районы городов через два-три десятилетия оказались не только градостроительно незавершёнными, без необходимых объектов культурно-бытового обслуживания, но и в обветшалом состоянии. Эти жилые районы, занимающие ценную срединную территорию городов, устаревшие как морально, так и физически, стали важной составной частью проблемы реконструкции этой сложившейся среды, актуализировавшейся в 1980-е – 1990-е годы. Принципы реновации морально и физически устаревающих городских районов по сей день являются предметом дискуссии [23].

Дифференцированный подход: локализация границ?

На рубеже первого и второго десятилетий XXI века застройка высокой этажности размещалась в основном во внешних зонах периферийных частей крупных городов. В ситуации исчерпанности внутригородских территорий высокоплотные многоэтажные жилые образования вновь вышли за городские границы, вторглись в пригородные природные ландшафты и сложившиеся поселения. Делались попытки ввести внутрь позднесоветской модели микрорайона традиционную городскую форму – двор, но ограничить его пространство жилыми домами повышенной этажности, отчего двор приобретал гипертрофированные размеры и терял свои качества приватного пространства. Рыхлые городские пространства требовали чёткой артикуляции путей передвижения пешеходов, улиц, бульваров и других общественных мест повседневного пребывания населения [24]. Границы стали пониматься как элементы, формирующие и организующие пространство, непосредственно окружающее человека [25].

Вместе с тем новое строительство в крупных городах, в первую очередь, в Москве, нацеленное на максимальное извлечение прибыли инвесторами, во многом и по сей день не оставляет возможности для организации полноценных общественных пространств, ведёт к уничтожению зелёных территорий. Границы перехода из внешнего во внутреннее пространство, связанные со сменой визуальных впечатлений, обогащающих городскую среду, стираются, перестают существовать [26]. Это достаточно новая проблема для отечественной градостроительной практики, осмысливаемая теорией пока только в общих чертах.

Более привычный комплекс проблем, связанных с неопределённостью общественных пространств в многоэтажной микрорайонной застройке, наличие в ней большого количества «ничейной» земли в последние годы всё чаще осмысливается практически как ресурс для возникновения на всей территории периферии новых пространственных связей, структурирования разрозненной ткани города и свободы движения горожан [27]. На смену привычной улице может прийти новый тип пространства – сомасштабного человеку и рождающего чувство защищённости: одновременно и двор, и улица, – предназначенного и для времяпрепровождения, и для движения.

Нельзя не отметить здесь, хотя бы вкратце, один из фундаментальных трудов последних лет, разрабатывающих современные способы гуманизации городской среды, основанные на изучении поведения человека в городе и далеко ушедшие от практик отечественного градостроительства советского периода, – монографию А.В. Крашенинникова «Когнитивная урбанистика» [28].

Проблемы качественного преобразования городской среды и многоуровневого, многозначного понимания границ, её формирующих, давно и прочно вышли за пределы сугубо архитектуроведческого знания. Их обсуждение в междисциплинарном пространстве влечёт за собой неизбежное интеллектуальное усложнение этого процесса, открывает всё новые и новые горизонты, рождает принципиально новаторские концепции и одновременно даёт более адекватный уровень осмысления рутинных явлений, тормозящих претворение в жизнь многих идей. Город всё более осознаётся как «континуум границ», чрезвычайно разнообразных по своей природе, совпадающих и не совпадающих друг с другом. И не случайно один из самых важных аспектов в этом дискурсе был сформулирован так: «границы: провести или обнаружить?». [29]. Именно выявление многообразия и взаимодействия границ, формирующих комфортное для людей городское пространство, – одно из значимых направлений современных исследований городской среды.

Список источников

1. Глазычев, В.Л. Город России накануне урбанизации / В.Л. Глазычев. – Текст : непосредственный // Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В.Сайко. – Москва : Наука, 1995. – С. 137–144.
2. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 350 с. – Текст : непосредственный.
3. Любовный, В.Я. Города России: альтернативы развития и управления / В.Я. Любовный. – Москва : Экон-информ, 2013. – 614 с. – Текст : непосредственный.
4. Кавелин, С.П. Земельное право и земельный процесс (Догматический анализ земельного законодательства С.С.С.Р.) / С.П. Кавелин. – Воронеж : Б.и., 1925. – 364 с. – Текст : непосредственный.
5. Боберко, В. Городское земельное хозяйство РСФСР / В. Боберко. – Текст : непосредственный // Коммунальное дело. – 1929. – № 6. – С. 32–48.
6. Панарин, А. Малый город. Попытка контрutoпии / А. Панарин. – Текст : непосредственный // Архитектура и строительство России. – 1990. – № 7. – С. 12–13.
7. Косенкова Ю.Л. «Не город, не деревня» – судьба идеи социалистического поселения в советском градостроительстве 1930-х – начала 1950-х годов. / Ю.Л.Косенкова. – Текст : непосредственный // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования : Сборник научных трудов НИИТАГ. – Вып. 1 : Памяти Т.Ф. Саваренской / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – Москва : УРСС, 2007. – С. 436–449.
8. Коган, Л.Б. Быть горожанами / Л.Б. Коган. – Москва : Мысль, 1990 – 205 с. – Текст : непосредственный.
9. Меерович, М.Г. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) / М.Г. Меерович, Е.В. Конышева, Д.С. Хмельницкий. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 270 с. – Текст : непосредственный.
10. «Создадим архитектуру, достойную коммунистического общества»: На творческом совещании архитектурного актива Москвы / Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1961. – № 11. – С. 3–10.
11. Соколов, А. Актуальные проблемы создания административных центров крупных советских городов / А. Соколов, Д. Копелянский. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1967. – № 12. – С. 51–54.
12. Бархин, М. Сколько городов в Москве... / М. Бархин. – Текст : непосредственный // Литературная газета. – 1975, 15 октября. – № 42. – С. 11.
13. Глазычев, В. Принципы моделирования среды / В. Глазычев. – Текст : непосредственный // Проблемы теории советской архитектуры. Архитектура и проблемы среды : Сборник научных трудов / под. ред. А.В. Рябушина. – 1976. – Вып. 3. – С. 31–40.
14. Иконников, А. Старое и новое в композиции города / А. Иконников. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1968. – № 11. – С. 19–25.
15. Гутнов, А. Несколько нерешённых проблем современной архитектурной теории / А. Гутнов. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1973. – № 10. – С. 50–54.
16. Гостев, М.В. Об эвристической природе моделей эволюционного городского развития / М.В. Гостев. – Текст

: электронный // Городские исследования и практики. – 2018. – Т. 3, № 1. – С. 7–22. – URL: <https://doi.org/10.17323/usp3120187-22> (дата обращения 16.06.2023).

17. Гостев, М.В. Выявление планировочной специфики столицы в материалах Концепции перспективного развития Москвы 1986 года А.Э. Гутнова / М.В. Гостев. – Текст : электронный // Городские исследования и практики. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 54–67. – URL: <https://usp.hse.ru/issue/view/1155/915> (дата обращения 16.06.2023).

18. Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции / Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1969. – № 9. – С. 62–63.

19. Коган, Л. Культура и города / Л. Коган. – Текст : непосредственный // Архитектура СССР. – 1973. – № 1. – С. 52–53.

20. Косенкова, Ю.Л. В тисках индустриализации: поиски образа советского города на рубеже 1960–1970-х гг. / Ю.Л. Косенкова. – Текст : непосредственный // Архитектурно-градостроительный процесс: регламентация и свобода / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – Москва : ЛЕНАНД, 2013. – С. 356–377.

21. Рябушин, А.В. Прогностика в архитектуре и градостроительстве / А.В. Рябушин, К. Дворжак. – Москва : Стройиздат, 1983. – 184 с. – Текст : непосредственный.

22. Коган, Л.Б. Урбанизация и проблемы идеологии / Л.Б. Коган, О.В. Кудинов. – Текст : непосредственный // Критический анализ зарубежных градостроительных теорий. – Москва : ЦНИИП градостроительства, 1977. – С. 17–27.

23. Нестолничная реновация / Я.А. Голубева, Д.И. Веретенников, В.И. Коротыч [и др.]. – Текст : электронный // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 104–128. – URL: <https://usp.hse.ru/article/view/11584/12474> (дата обращения 16.06.2023).

24. Крайняя, Н. Жилая среда в её градостроительном содержании как предмет архитектурного и дизайнерского творчества / Н. Крайняя. – Текст : непосредственный // Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX и проблемы XXI века. – Москва : БуксМарт, 2015. – С. 314–320.

25. Козлова, Л.В. Граница как метод оживления городского пространства / Л.В. Козлова. – Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 6 (89). – С. 117–123.

26. Соколова, М.А. Городские пустоты как компонент гуманизации архитектурной среды / М.А. Соколова, К.Ю. Александрова. – Текст : электронный // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – № 4 (49). – С. 262–280. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/17_sokolova.pdf (дата обращения 16.06.2023).

27. Шляховая, А.А. Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города / А.А. Шляховая, Р.А. Дюхов. – Текст : электронный // Городские исследования и практики. – Т. 3, № 1. – 2019. – С. 40–62. – URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8778/10995> (дата обращения 16.06.2023).

28. Крашенинников, А.В. Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды / А.В. Крашенинников. – Москва : Курс, 2020. – 210 с. – Текст : непосредственный.

29. Новиков, А.В. Город как континуум границ. Дискуссия / А.В. Новиков, В.С. Вахштайн. – Текст : электронный // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 81–93. – URL: <https://usp.hse.ru/article/view/13485/13244> (дата обращения 16.06.2023).

References

1. Glazychev V.L. Gorod Rossii nakanune urbanizatsii [City of Russia on the Eve of Urbanization]. In E.V.Saiko (ch.ed.): *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa* [City as A Socio-Cultural Phenomenon of the Historical Process]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. S. 137–144. (In Russ.)

2. Gutnov A.E., Glazychev V.L. Mir arkhitektury [World of Architecture]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990, 350 p. (In Russ.)

3. Lyubovnyi V.Ya. Goroda Rossii: al'ternativy razvitiya i upravleniya [Cities of Russia: Alternatives for Development and Management]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2013, 614 s. (In Russ.)

4. Kavelin S.P. Zemel'noe pravo i zemel'nyi protsess (Dogmatischekii analiz zemel'nogo zakonodatel'stva S.S.S.R.) [Land Law and Land Process (Dogmatic Analysis of Land Legislation of the S.S.S.R.)]. Voronezh, 1925, 364 p. (In Russ.)

5. Boberko V. Gorodskoe zemel'noe khozyaistvo RSFSR [Urban Land Management of the RSFSR]. In: *Kommunal'noe delo*, 1929, no. 6, pp. 32–48. (In Russ.)

6. Panarin A. Malyi gorod. Popytka kontrutopii [An Attempt at Counter-Utopia]. In: *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii* [Architecture and Construction of Russia], 1990. no. 7, pp. 12–13. (In Russ.)

7. Kosenkova Yu.L. «Ne gorod, ne derevnya» – sud'ba idei sotsialisticheskogo poseleniya v sovetskom gradostroitel'stve 1930-kh – nachala 1950-kh godov. ["Not a City, not a Village" – the Fate of the Idea of a Socialist Settlement in the Soviet Urban Planning of the 1930s – Early 1950s.]. In I.A. Bondarenko (resp. ed): *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya* [Town-Planning Art. New Materials and Research], Collection of scientific works of NIITAG, Iss. 1: *Pamyati T.F. Savarenskoi* [In Memory of T.F. Savarin'skaya]. Moscow, URSS Publ., 2007, pp. 436–449. (In Russ.)

8. Kogan L.B. Byt' gorozhanami [To Be Citizens]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 205 p. (In Russ.)

9. Meerovich M.G., Konysheva E.V., Khmel'nitskii D.S. Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.) [Cemetery of Socialist Cities: Urban Policy in the USSR (1928–1932)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 270 p. (In Russ.)

10. «Sozdadim arkhitekturu, dostoinuyu kommunisticheskogo obshchestva»: Na tvorcheskome soveshchanii arkhitekturnogo aktiva Moskvy ["Let's Create an Architecture Worthy of a Communist Society": At a Creative Meeting of the Architectural Activists of Moscow]. In: *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1961, no. 11, pp. 3–10. (In Russ.)

11. Sokolov A., Kopelyanskii D. Aktual'nye problemy sozdaniya administrativnykh tse ntrov krupnykh sovetskikh gorodov [Actual Problems of Creating Administrative Centers of Large Soviet Cities]. In: *Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, 1967, no. 12, pp. 51–54. (In Russ.)
12. Barkhin M. Skol'ko gorodov v Moskve... [How Many Cities in Moscow...]. In: *Literaturnaya gazeta*, 1975, no. 42, October 15, – S. 11. (In Russ.)
13. Glazychev V. Printsipy modelirovaniya sredey [Principles of Environment Modeling]. In A.V. Ryabushin (ed.): *Problemy teorii sovetskoi arkhitektury. Arkhitektura i problemy sredey [Problems of the Theory of Soviet Architecture. Architecture and Problems of the Environment]*, Collection of scientific papers, 1976, Iss. 3, pp. 31–40. (In Russ.)
14. Ikonnikov A. Staroe i novoe v kompozitsii goroda [Old and New in the Composition of the City]. In: *Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, 1968, no. 11, pp. 19–25. (In Russ.)
15. Gutnov A. Neskol'ko nereshennykh problem sovremennoi arkhitekturnoi teorii [Several Unresolved Problems of Modern Architectural Theory]. In: *Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, 1973, no. 10, pp. 50–54. (In Russ.)
16. Gostev M.V. Ob evristicheskoi prirode modeli evolyutsionnogo gorodskogo razvitiya [On the Heuristic Nature of Evolutionary Urban Development Models]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Research and Practice]*, 2018, Vol. 3, no. 1, pp. 7–22. URL: <https://usp.hse.ru/issue/view/745/517> (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)
17. Gostev M.V. Vyyavlenie planirovochnoi spetsifiki stolitsy v materialakh kontseptsii perspektivnogo razvitiya Moskvy 1986 goda A.E. Gutnova [Revealing the Planning Specificity of Moscow in Gutnov's 1986 Perspective Development Conception]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Research and Practice]*, 2022, Vol. 7, no. 4, pp. 54–67. URL: <https://usp.hse.ru/issue/view/1155/915> (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)
18. Urbanizatsiya i rabochii klass v usloviyakh nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii [Urbanization and the Working Class in the Conditions of the Scientific and Technological Revolution]. In: *Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, 1969, no. 9, pp. 62–63. (In Russ.)
19. Kogan L. Kul'tura i goroda [Culture and Cities]. In: *Arkhitektura SSSR [Architecture of the USSR]*, 1973, no. 1, pp. 52–53. (In Russ.)
20. Kosenkova Yu.L. V tiskakh industrializatsii: poiski obraza sovetskogo goroda na rubezhe 1960–1970-kh gg. [In the Grip of Industrialization: the Search for the Image of the Soviet City at the Turn of the 1960s–1970s.]. In I.A. Bondarenko (resp.ed.): *Arkhitekturno-gradostroitel'nyi protsess: reglamentatsiya i svoboda [Architectural and Urban Planning Process: Regulation and Freedom]*. Moscow, LENAND Publ., 2013, pp. 356–377. (In Russ.)
21. Ryabushin A.V., Dvorzhak K. Prognostika v arkhitekture i gradostroitel'stve [Prognostics in Architecture and Urban Planning]. Moscow, Stroizdat Publ., 1983, 184 p. (In Russ.)
22. Kogan L. B., Kudinov O.V. Urbanizatsiya i problemy ideologii [Urbanization and Problems of Ideology]. In: *Kriticheskii analiz zarubezhnykh gradostroitel'nykh teorii [Critical Analysis of Foreign Urban Planning Theories]*. Moscow, TsNIIP gradostroitel'stva Publ., 1977, pp. 17–27. (In Russ.)
23. Golubeva, Ya.A., Veretennikov D.I., Korotych V.I., Krutenko L.V., Malyshev G.N., Nizamutdinova G.R. Nestolichnaya renovatsiya [Renovation Outside Moscow: Searching for Alternative Development Methods in Post-Soviet Cities]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Research and Practice]*, 2019, Vol. 4, no. 2, pp. 104–128. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/11584/12474> (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)
24. Krainyaya N. Zhilaya sreda v ee gradostroitel'nom sodержanii kak predmet arkhitekturnogo i dizajnerskogo tvorchestva [Residential Environment in its Urban Content as a Subject of Architectural and Design Creativity]. In: *Massovoe zhilishche kak ob"ekt tvorchestva. Rol' sotsial'noi inzhenerii khudozhestvennykh idei v proektirovanii zhiloi sredey. Opyt XX i problemy XXI veka [Mass Housing as an Object of Creativity. The Role of Social Engineering of Artistic Ideas in the Design of a Residential Environment. Experience of the 20th and Problems of the 21st Century]*. Moscow, BuksMart Publ., 2015, pp. 314–320. (In Russ.)
25. Kozlova L.V. Granitsa kak metod ozhivleniya gorodskogo prostranstva [Boundary as Revitalizing Method of Urban Space]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State Technical University]*, 2014, no. 6 (89), pp. 117–123. (In Russ., abstr. in Engl.)
26. Sokolova M.A., Aleksandrova K.Yu. Gorodskie pustoty kak komponent gumanizatsii arkhitekturnoi sredey [Urban Voices as a Component of Architectural Environment Humanization]. In: *Architecture and Modern Information Technologies*, 2019, no. 4 (49), pp. 262–280. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/PDF/17_sokolova.pdf (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)
27. Shlyakhovaya. A.A., Dokhov R.A. Dvorulitsa: perezapusk periferii postsotsialisticheskogo goroda [Dvorulitsa (Yardstreet): a Reboot Method for the Semi-Periphery of a Post-Socialist City]. In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Research and Practice]*, 2019, Vol. 3, no. 1, pp. 40–62. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8778/10995> (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)
28. Krashenninnikov A.V. Kognitivnaya urbanistika: arkhetyipy i prototipy gorodskoi sredey [Residential Environment in Its Urban Content as a Subject of Architectural and Design Creativity]. Moscow, Kurs Publ., 2020, 210 p. (In Russ.)
29. Novikov A.V. Vakhshain V.S. Gorod kak kontinuum granits : Diskussiya. [City as a Continuum of Boundaries. Discussion] In: *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Research and Practice]*, 2020, Vol. 5, no. 2, pp. 81–93. URL: <https://usp.hse.ru/article/view/13485/13244> (Accessed 06/16/2023). (In Russ., abstr. in Engl.)